

Цифровые права как объекты гражданских прав

Юлия Ирековна Бурханова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. julia070299@mail.ru

Нина Александровна Новокшионова

*Челябинский государственный университет, Челябинский филиал РАНХиГС, Челябинск, Россия.
nina_novokshonov@mail.ru*

Статья посвящена проблеме цифровизации объектов гражданских прав. В условиях развития цифровой экономики объекты находят свое закрепление и отражение в цифровой среде. Ввиду того, что правовая регламентация сильно отстает от уровня цифровизации общества, особое внимание авторы уделяют необходимости установлению современного понятия, видов и правового режима цифровых объектов, а также выведению России на новый уровень цифровизации.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровые права, цифровая экономика, цифровизация, криптовалюта, виртуальное имущество.

Original article

Digital rights as objects of civil rights

Yulia I. Burkhanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. julia070299@mail.ru

Nina A. Novokshonova

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk Branch of the RANEPА, Chelyabinsk, Russia.
nina_novokshonov@mail.ru*

The article is devoted to the problem of digitalization of objects of civil rights. In the context of the development of the digital economy, objects find their consolidation and reflection in the digital environment. In view of the fact that legal regulation lags far behind the level of digitalization of society, the authors pay special attention to the need to establish a modern concept, types and legal regime of digital objects, as well as to bring Russia to a new level of digitalization.

Keywords: objects of civil rights, digital rights, digital economy, digitalization, cryptocurrency, virtual property.

Цифровое право стало неотъемлемой частью всех сфер жизни общества, включая экономическую. «Цифровая экономика», «цифровые деньги» и, наконец, «цифровые права» — эти термины стали частью новой реальности, без которой невозможно дальнейшее полноценное развитие мира.

Наука, технологии, информация являются двигателем прогресса и определяют статус государства на мировой арене. Здесь каждая страна сталкивается с проблемой преодоления конкурентоспособности на рынке технологий.

В настоящее время Российская Федерация не является лидером в цифровизации экономики. Согласно исследованию НИУ ВШЭ совместно с Федеральной службой государственной статистики, в 2020 году затраты на развитие цифровой экономики составили 4063 млрд рублей, а сама ее в российском ВВП составляет 3,1 % [10]. Данный показатель в несколько раз ниже, чем в других развитых странах.

Ведущими лидерами цифровой экономики являются США и Китай. Доля «цифровой экономики» в ВВП США — 7–8%, а КНР — 5–6%, что является выше среднемирового показателя в 4 %, а темпы их прироста выше средних по национальной и мировой экономике в 3 и более раз.

Немаловажным является то, что 73 % стартапов-единорогов¹ приходится на долю американского и китайского рынков и 80 % от их суммарной стоимости. А объем онлайн-торговли (e-commerce), как огромной части цифровой экономики, в Америке превысил 510 млрд, а в Китае — 1,3 трлн долларов. Совокупная доля e-commerce в этих странах составляет 60 %, что

¹ Стартапы-«единороги» — это временная форма организации, которая всегда ищет воспроизводимую и масштабируемую бизнес-модель. «Единороги» отличаются тем что их рыночная стоимость превышает 1 млрд долларов.

является огромным показателем, который доказывает лидерство этих стран на международной арене.

Современное состояние общества можно охарактеризовать как находящееся на этапе «цифровой революции», которая определяется не только улучшением технологий, но и трансформацией общества, общественных институтов, идеологий и ценностей, а также механизмом государственного управления.

Влияет ли процесс цифровизации на право? Безусловно. Однако этот вопрос является актуальным не только с практической, но и с теоретической точки зрения.

Одной из главных национальных целей развития в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 является «ускорение технологического развития Российской Федерации и обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере страны»¹. В послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. Президент Российской Федерации указал на приоритетность принятия новых законов: «Для создания правовой среды новой цифровой экономики, которые позволят заключать гражданские сделки и привлекать финансирование с использованием цифровых технологий, развивать электронную торговлю и сервисы. Все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность»².

Термин «цифровые права» приобрел легальный характер в октябре 2019 года, когда вступили в силу поправки в Гражданский Кодекс РФ в связи с введением статьи 141.1 ГК РФ, которая впервые на законодательном уровне закрепила определение «цифровые права», определив их как новый объект гражданских прав, что также закреплено в ст.128 ГК РФ³.

Согласно этой норме, «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом

признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Таким образом, новым понятием цифровых прав законодатель определил «обязательственные и иные права», связав их содержание и условия осуществления с правилами информационной системы, а также сделав ссылку на прямое упоминание таких прав в отдельном законе.

Прежде всего необходимо определиться с терминологией, что можно понимать под цифровыми правами. Так, Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна в своей монографии пишут, что «когда традиционные объекты гражданских прав получают новую форму существования — цифровую (электронную), возникают определенные проблемы, связанные с их правовым регулированием... Необходимо различать понятие цифровых активов в широком и узком смысле» [6, с. 224].

В широком смысле к цифровым активам могут быть отнесены любые объекты имущественного оборота, существующие в цифровой (электронной) форме. Соответственно, под такое широкое определение подпадают и те объекты гражданских правоотношений, которые уже имеют особый правовой режим как результаты интеллектуальной деятельности (отдельные виды контента, такие как тексты, видео- и аудиофайлы, графические изображения и т.д.), а поэтому не требуют выработки отдельного правового режима.

Выделение категории цифровых активов в узком смысле необходимо, в первую очередь, для отграничения новых объектов имущественного оборота, требующих создания адекватного правового режима, от тех объектов гражданских прав, которые, хотя и претерпели видоизменение в результате цифровизации, но не нуждаются в создании нового правового режима. Поэтому в узком смысле под «цифровыми активами» следует понимать новые экономические объекты, созданные с использованием цифровых технологий» [6, с. 36].

Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна рассматривают в качестве цифровых активов: большие данные, доменные имена и аккаунты, виртуальное игровое имущество и криптоактивы. П. Хлебников пишет, что цифровые права «складываются в области применения или с помощью применения цифровых технологий, в том числе посредством специального программного обеспечения» [7, с. 102]. В своей диссертации К. А. Мефодьева замечает, что использование прилагательного «цифровой» в понятии «циф-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.

² Послание Президента Российской Федерации от 20.02.2019 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032/page/3> (дата обращения: 20.05.2022 г.)

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ровые данные» позволяет сделать акцент на том, что в него включаются только те данные, которые могут быть обработаны компьютером [8, с. 24]. Г. З. Мансуров в своем учебном пособии указывает, что «цифровое право не является самостоятельной отраслью права, так как не имеет ни самостоятельного предмета, ни самостоятельного метода регулирования. В таких случаях систему норм принято квалифицировать как комплексную отрасль права» [2, с. 16].

Он рассматривает в учебном пособии проблемы цифровых денег как разновидность цифровых прав, смарт-контракты, инвестиционные платформы (краудфандинг). Все эти различные точки зрения подтверждает необходимость определения дефиниции цифровых прав, круг объектов которых можно отнести к цифровым правам, и режим их оборота.

С каждым днем количество и качество современных технологий возрастает, а современная российская экономика не успевает идти вровень с этими изменениями. Как следствие, правовая регламентация сильно отстает от уровня цифровизации общества. Именно поэтому необходимо пересмотреть законодательство и прийти к единообразию к подходу правового режима цифровых прав.

На наш взгляд, под цифровыми правами следует понимать особые объекты гражданских прав, которые имеют имущественную (денежную) природу, выраженную в различных электронных формах, признанных государством, гражданский оборот которых ограничивается не только требованиями законом, но и договором об использовании цифровых прав.

Развитие технологий, появление на рынке новых девайсов привело к тому, что привычные нам объекты переместились из реального мира в виртуальный. Например, ранее деньги были в виде бумажных купюр, сейчас чаще люди пользуются безналичными средствами посредством банковских карт или электронных кошельков. То же касается и бездокументарных ценных бумаг: акций и облигаций. Изменения коснулись и произведений искусства. Следует согласиться с Г. З. Мансуровым, что цифровизация является продолжением тенденции к «дематериализации» объектов гражданского права. Как верно он пишет, в разное время наличные деньги превратились в безналичные, ценные бумаги — в бездокументарные ценные бумаги, а золото — в права требования по металлическому счету. Соответственно, цифровизация является следующим этапом «дематериализации» [2, с. 67]. «При анализе правовой природы цифровых прав, очевидно, следует учитывать, что цифровизация является продолжением тенденции к дематериализации объектов гражданского права» [2, с. 64].

Совсем недавно на пик славы возвысился NFT (non-fungible tokens). Это уникальный токен, иначе говоря, сертификат, подтверждающий право собственности на определенный цифровой объект. Он был создан на базе криптовалюты, но определять ее как саму криптовалюту неверно. В каком-то смысле NFT можно идентифицировать как реестровую систему, которая содержит информацию о ее правообладателе и наборе прав. Токен можно приобщить к любому цифровому товару — изображению, музыке, видеозаписи и другим видам диджитал-контента. Сами же токены хранятся в открытой распределенной блокчейн-системе. При этом, несмотря на попытки придать NFT характер самостоятельного объекта интеллектуальных прав, с этим вряд ли можно согласиться. NFT является лишь формой.

На деле уникальные токены являются важным нововведением для цифрового права. Благодаря им цифровая собственность обрела некую «материализацию»: предметы обрели ценность, а система хранения стала надежнее. Исчезла проблема в разграничении оригинала и копии, поскольку код исходного файла и скопированного отличаются, и эта информация тоже зашифрована в токене.

Обладая специфическими свойствами, цифровые объекты могут иметь высокую экономическую стоимость, например, персонажи в компьютерных играх или их экипировка продаются за реальных деньги. А там, где есть стоимость, есть и экономический оборот, поэтому наблюдается необходимость в уделении им особого внимания, особенно в сфере правового регулирования.

Необходимость в определении правового режима цифровых объектов уже отражена на практике. В Белоруссии молодой человек обратился в правоохранительные органы с заявлением об угоне танка в виртуальной игре «WOT». Также он сообщил, что на покупку и модернизацию боевой машины им было потрачено много сил, времени и более 1 200 000 белорусских рублей. Тогда было возбуждено уголовное дело по статье «Несанкционированный доступ к компьютерной информации»¹. В результате обращения к разработчикам игры, было установлено местонахождение нарушителя, и его аккаунт был заблокирован.

В России подобное дело даже не стали возбуждать и тем более предпринимать меры к восстановлению справедливости. Отсутствие мер было трактовано недостатком правовых норм, регулирующих данную область. Приведенный пример весьма ясно отражает необходимость

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.

определения правового режима функционирования цифровых объектов.

Отсюда плавно возникает логичный вопрос: можно ли считать цифровое имущество реальным имуществом, имеющим стоимостную оценку и обладающим оборотоспособностью?

Судебная практика в этом вопросе нестабильна. Тем не менее в последнее время суды все чаще встают на «сторону» цифровых прав.

Так, Постановлением 9-го Арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. о банкротстве гражданина Царькова криптовалюта признана имуществом. Как указал юрисдикционный орган, в силу диспозитивности норм гражданского права в Гражданском кодексе РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав. Поскольку действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», то с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование¹.

По своей природе цифровые права обладают особенностями, позволяющими отличить их от известных ранее существовавших прав. Они возникают «в киберфизическом пространстве в цифровой форме, представляют собой программный алгоритм, содержащий сведения о цифровом объекте» [3, с. 39]. Помимо того, что они также могут принадлежать физическим и юридическим лицам, отчуждаемы и имеют денежную оценку, их «отличительным признаком, который позволяет выделить их в самостоятельный вид, являются условия и содержание их осуществления, которые определяются в соответствии с правилами высокотехнологичных информационных систем» [1, с. 15].

Анализируя вышеизложенное, авторы данной работы приходят к выводу, что цифровые права необходимо приравнять к материальным объектам гражданских прав и рассматривать как имущество.

Перечень объектов, которые законодатель относит к цифровым правам, должен быть перечислен в ст. 144.1 ГК, хотя режим у каждого объекта может отличаться посредством урегулирования федеральными законами. На сегодняшний день к цифровым правам можно отнести большие данные, доменные имена, аккаунты, виртуальное имущество, криптовалюту, утилитарные цифровые права. Каждый из названных объектов нуждается в отдельном правовом регулировании. Такие объекты, как доменные имена, аккаунты и виртуальное имущество, имеют соприкосновение с интеллектуальными правами, а

криптовалюта и утилитарные цифровые права с обязательственным правом. Большие данные, в свою очередь, представляют особую группу цифровых прав. Так, В. А. Родикова пишет, что «в условном “цифровом праве”, тем более применительно к определению так называемых Big Data, количественный критерий отнесения тех или иных “больших данных” к собственно такому не только субъективен по причине правовой градиентности, но и, по сути, противоречит вышеназванным традиционным определениями множества и группы, — однако настойчиво предлагается в качестве основного при рассмотрении очередной версии соответствующего законопроекта, что неизбежно рождает значительные правовые риски для предпринимателей, оперирующих “большими данными”» [9, с. 52].

С виртуальным игровым имуществом тоже не все так однозначно. Как показывает анализ судебной практики, суды в большинстве случаев отказывали гражданам в судебной защите. Так, игрок компьютерных игр Lineage 2 и Rising Force On-line приобрел виртуальные объекты на общую сумму 235 508 рублей. Истец указывает, что сделал это под влиянием обмана. Компания-ответчик возражала со ссылкой на то, что платные сервисы не обязательны для участия в игре. Отказывая в иске, суд также сослался на ст. 1062 ГК РФ, устанавливающую запрет на судебную защиту игр и пари². В 2019 году Московский городской суд также отказал игроку-истцу в удовлетворении его требований со ссылкой на ст. 1062 ГК РФ. При этом суд апелляционной инстанции так охарактеризовал платный функционал в игре: права на неактивированные данные и команды игры — это программы для ЭВМ, предназначенные для целей увеличения персонажа и многого другого. Соответственно, суд посчитал виртуальное игровое имущество частью компьютерной программы, а не самостоятельным объектом. Кроме того, суд указал, что, поскольку игра предоставляется пользователям бесплатно, к правоотношениям сторон не могут быть применены положения Закона РФ от 07.02.1992 г. №2300-1 «О защите прав потребителей», который распространяется только на возмездные договоры. Следует отметить, что при рассмотрении этого дела суд первой инстанции пришел к выводу, что все действия ответчика и пользователя игры относятся исключительно к игровому процессу, регулируются внутренними правилами ответчика и не подлежат судебной защите³. Однако в одном из дел суд все же при-

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 №09АП-16416/2018 по делу №А40-124668/2017.

² Решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 25 ноября 2011 г. по делу №2-3379/2011

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2019 по делу №33-21065/2019.

менил закон о защите прав потребителей, указав, что истец использовал имущество для личных целей, оплатил зачисление виртуальных золотых, но не смог ими воспользоваться, так как его аккаунт заблокировали, нарушив его права как потребителя.

Что касается криптовалюты, то споры только набирают обороты. И это не только проблемы включения криптовалюты в конкурсную массу должника, или запрет на использование криптовалюты в качестве средств платежа. Так, Савеловский районный суд рассмотрел дело по иску об истребовании криптовалюты (BITCOIN, ETHERIUM и DASH) из чужого незаконного владения. Суд в это деле не классифицировал договор между сторонами как доверительное управление, так как отсутствовала письменная форма. Суд указал на то, что достаточных и достоверных доказательств тому, что истец является собственником заявленных им объектов имущества — видов криптовалют — истцом не представлено. Спорное имущество истцом до настоящего времени публично не заявлено. А соответственно, истец не смог доказать существование криптовалюты для гражданского оборота. Риски уменьшения стоимости криптовалюты, ее количестве при ее торговле на рынке несет исключительно

сам истец как инвестор. Объектом виндикации во всех случаях может быть только индивидуально-определенная вещь, существующая в натуре, а не криптовалюта¹. На рисковый характер таких сделок указано и в другом решении. Истец требовал оплаты в криптовалюте за то, что ответчик занимался майнингом с использованием техники истца. Суд отказал в удовлетворении требований, потому что истец не доказал, что ответчик действительно может передать активы в случае удовлетворения иска, а также в связи с тем, что из договора и переписки сторон не следовало, что ответчик должен был передать криптовалюту. Суд указал, что истец должен был предвидеть, что операции с криптовалютой «не обеспечивают принудительной силой государства»².

Таким образом, следует признать необходимым для российского права дальнейшую разработку концепции цифровых прав как объектов гражданских прав, определение их правовой природы, видов и правового режима использования с целью развития гражданского оборота в условиях цифровой экономики.

¹ Решение Савеловского районного суда по делу № 2-2888/2021 от 09 ноября 2021.

² Решение Приморского районного суда города Санкт-Петербурга по делу № 2-2959/2021.

Статья поступила в редакцию 06.07.2022.

Одобрена после рецензирования 21.07.2022.

Принята к публикации 02.08.2022.

Список источников

1. Кириллова Е. А., Зулфагарзаде Т. Э., Метелев С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-tsifrovyyh-prav-v-grazhdanskom-prave-rossii> (дата обращения: 27.05.2022).
2. Мансуров Г. З. Цифровое право : учеб. пособие / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2020. 122 с.
3. Нестеров А. В. Соотношение правовых категорий приватности, секретности (тайны) и конфиденциальности // Юридический мир. 2019. № 7. С. 37–41.
4. Суханов Е. А. Гражданское право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» : в 4 т. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006–2007.
5. Цифровая экономика: 2022 : кр. стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022. 124 с.
6. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020. 304 с.
7. Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 102.
8. Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 24.
9. Родикова В. А. Шах и мат предпринимателю: гражданско-правовое регулирование Big Data // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 1 С. 51–59.

Информация об авторах

Ю. И. Бурханова — магистрант Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. julia070299@mail.ru

Н. А. Новокшонова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права Челябинского государственного университета, доцент кафедры частного права Челябинского филиала РАНХиГС, Челябинск, Россия. nina_novokshonov@mail.ru

Для цитирования: Бурханова Ю. И., Новокшонова Н. А. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 3. С. 35–40. DOI 10.47475/2618-8236-2022-17306.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2022. Vol. 7, iss. 3. Pp. 35–40.

References

1. Kirillova EA, Zulfugarzade TE, Metelev SE. Institute of Digital Rights in civil Law of Russia. Law enforcement. 2022;1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-tsifrovyyh-prav-v-grazhdanskom-prave-rossii>. (In Russ.).

2. Mansurov GZ. Digital law. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural State Economy university; 2020. 122 p. (In Russ.).

3. Nesterov AV. Correlation of legal categories of privacy, secrecy (secrecy) and confidentiality. Legal world. 2019;7:37-41. (In Russ.).

4. Sukhanov EA. Civil law : studies. for university students studying in the direction 521400 “Jurisprudence” and in the specialty 021100 “Jurisprudence”: in 4 volumes. Moscow: Volters Kluvers 2006–2007. (In Russ.).

5. Digital Economy: 2022: a brief statistical collection. Moscow: HSE; 2022. 124 p. (In Russ.).

6. Sannikova LV, Kharitonova YS. Digital assets: legal analysis. Moscow: 4 Print; 2020. 304 p. (In Russ.).

7. Khlebnikov P. Digitalization of law as a consequence of digitalization of life. *Housing law*. 2017;9:102. (In Russ.).

8. Methodieva KA. Digital data as an object of civil law regulation in Germany, the USA and Russia. Thesis. Moscow, 2019. P. 24. (In Russ.).

9. Rodikova VA. Checkmate to an entrepreneur: Civil law regulation of Big Data. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2022;(7):51-59. (In Russ.).

Information about authors

Yu. I. Burkhanova — Master’s student of the Institute of Law of the Federal State Educational Institution of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. julia070299@mail.ru

N. A. Novokshonova — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure Institute of Law of the Federal State Educational Institution Chelyabinsk State University, Associate Professor of the Department of Private Law of the Chelyabinsk Branch of the RANEPА, Chelyabinsk, Russia. nina_novokshonov@mail.ru

For citation: Burkhanova YuI, Novokshonova NA. Digital rights as objects of civil rights. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2022(3):35-40. DOI 10.47475/2618-8236-2022-17306.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.